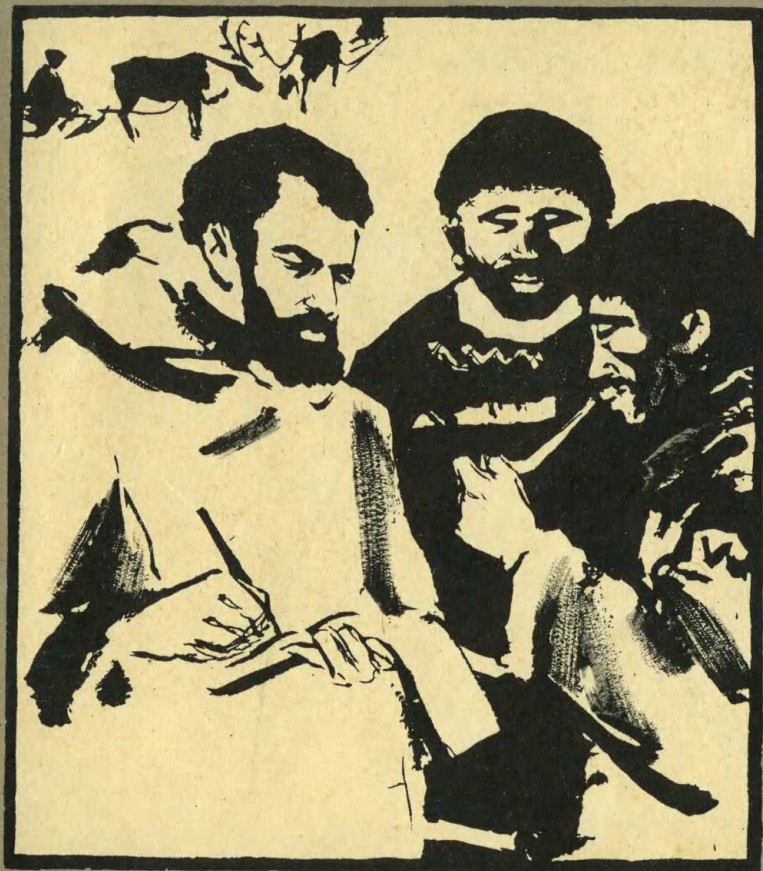

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ПО СТРАНЕ ОЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ

ГЕОГРАФИЗ · 1959

Б. КАРТАШЕВ

ПО СТРАНЕ
ОЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ

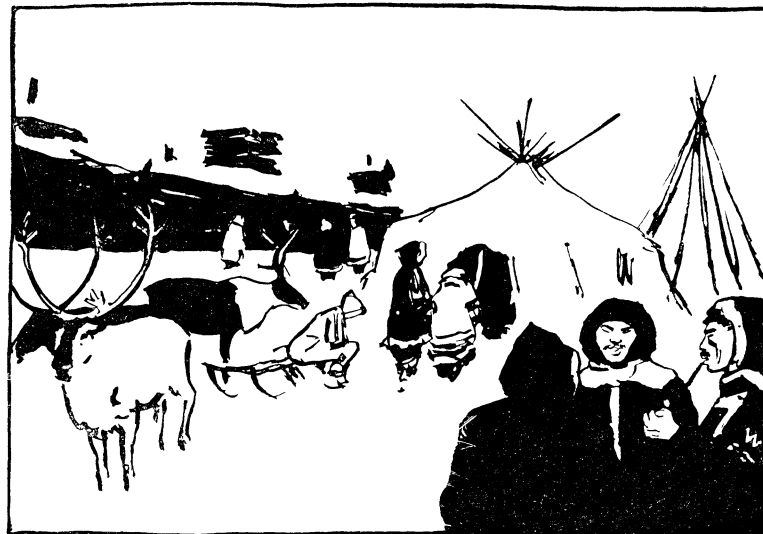
Путешествия В. Г. Тана-Богораза

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

В брошюре «По стране оленных людей» рассказывается о яркой, интересной жизни замечательного этнографа, путешественника, писателя и революционера В. Г. Тана-Богораза. Представитель последнего поколения народовольцев, 25 лет от роду попав в ссылку на далекую Колыму, в нечеловечески трудных условиях тогдашнего Заполярья он берется за изучение почти неизвестных до тех пор чукчей и эвенов. Тысячи километров, где на собаках, где на оленях, он путешествует по Колыме, Чукотке и северной Камчатке, изучая быт и фольклор народов северо-восточной Азии. Результатом путешествий был ряд фундаментальных трудов по этнографии северо-восточной Азии, поставивших Богораза в число крупнейших этнографов современности. Широкую известность снискал Богораз как автор многих выдающихся художественных и публицистических произведений, как человек долго и плодотворно работавший в деле культурного строительства народов Севера.

Художник Д. Б. ЛИОН

1

В тесной грязной камере Якутского тюремного замка стояла напряженная тишина. Несколько десятков арестантов сгрудились около тщедушного человека с редкой бородкой.

— Первым из гауптвахты вышел Гаусман,— раздавался ровный, тихий голос.— Вышел твердо, спокойно, повернулся к нашим окнам и снял шапку, обвел всех нас ясными глазами, улыбнулся. Я этого взгляда не вынес и опустил голову. А поднял ее, когда услышал голос Николая Зотова: «Прощайте, братья!» Он шел с поднятой рукой и тоже улыбался. Не успела закрыться за ним дверь кордегардии, как появились надзиратели, несшие раненого Когана-Бернштейна. Он что-то говорил, лицо у него было страстное, возбужденное, но за топотом шагов и рыданиями его жены Натальи Осиповны ничего нельзя было разобрать.

В ту ночь мы, конечно, не спали, сидели оцепеневшие. Не верилось, что не увидим больше троих товарищей, которых отняла у нас виселица.

Минуты три после того, как рассказчик замолчал, никто не двинулся, не произнес ни слова. Первым встал широкоплечий молодой человек с черной курчавой бородой.

— Товарищей перестреляли, перевешали из-за этого Колымска, а мы все-таки едем,— с ожесточением произнес он и отошел к окну.

Никто ему не ответил, возразить было нечего.

Из открытой форточки тянуло холодным воздухом, запахом снега и хвои. Мысли, спутанные бешенством, стали приходить в порядок. Значит, даром полицейский чиновник в Петербурге говорил ему: «О Средне-Колымске мы ничего не знаем, кроме того, что там жить нельзя! Поэтому мы туда и отправляем вас!»

«Значит, надо выбирать между виселицей и местом, где нельзя жить». И молодой человек вслух громко произнес:

— Все равно, назло вам выживу!

— Ты что, Богораз?— обернулись к нему товарищи.— Кому ты собрался насолить своей жизнью?

— Всем станovým приставам от Петербурга до Чукотки. Они говорят нельзя жить, а я говорю — можно, и выживу!

2

Богатырская внешность отца, его умение выпивать огромное количество водки и не пьянеть как-то не вязались со специальностью даина — ученого эксперта по части еврейских обрядов. Две вещи всегда поражали маленького Натана в отце: способность легко поднимать лошадь за передние ноги и знание библии и талмуда «на острие шила». Отец демонстрировал детям свою необыкновенную память следующим образом: он открывал любой, какой ему укажут, том талмуда, протыкал его страницу шилом довольно глубоко, а потом читал наизусть места на пятидесяти-семидесяти страницах, проколотых шилом. Дети проверяли — ошибок не было никогда.

Память Натан унаследовал от отца. Научился читать он вскоре после того, как научился ходить, а в семь лет поступил в Таганрогскую гимназию.

В Таганрог Богоразы переехали из Овруча, маленького городка на Волыни, где в 1865 году и родился Натан. Таганрог привлек Богораз-отца возможностью легко

устроиться. И устроился он неплохо: приторговывал пшеницей и углем, не брезговал и контрабандой. Но денег в семье было все-таки в обрез. Отец, страстный игрок, не часто доносил выручку до дома, спуская ее своим приятелям в карты. Порой тяжело было в семье, пока подросшие дети не стали сами подрабатывать. Натан с десяти лет начал давать уроки сыновьям богатых греков, армян и казаков. Малолетнему учителю, которого ученики частенько превосходили и возрастом, и ростом, и силой, приходилось иногда очень туго. Бывало, возьмет такой великовозрастный детина своего наставника за шиворот и начнет вытрясать из него душу. Впрочем, учитель был не из забытых и, вися в воздухе, норовил укусить или лягнуть своего воспитанника. Обычно все кончалось к обоюдному согласию.

Учился Богораз легко, брал памятью. «Гимназия была либеральная: требовали мало, а знали и того меньше»,— вспоминал он впоследствии. Среди педагогов неприятно выделялся инспектор Дьяконов, описанный впоследствии однокашником Богораз Антоном Павловичем Чеховым под именем Беликова — «человека в футляре». Но одна муха не делает лета. Трое из преподавателей были студентами, высланными в Таганрог за неблагонадежность. Понятно, что они не только сквозь пальцы, но и покровительственно смотрели на то, что гимназисты читают Чернышевского, Добролюбова, Писарева. А когда из Петербурга приехала сестра Богораз Паша, «добела раскаленная землевольческим огнем», многое открылось Натану. «Было это в 1878 году — феерическое время. Сановников уже убивали, а царя Александра II собирались взорвать. На эдакую страшную силу, как русская полиция, нашелся отпор — молодежь отдавалась революции душой и телом».

В 1880 году, окончив гимназию, Натан вместе с сестрой отправился в Петербург. Цель была — университет.

Но прежде чем думать об университете, пришлось позаботиться о заработке — денег из дома не присылали, жить было не на что. Помогло знание французского языка, нашлась работа в журнале «Отечественные записки». Богораз стал переводить рассказы Золя и Мопассана.

Поступил Богораз в университет сначала на физико-математический факультет, но вскоре перешел на экономическое отделение юридического факультета, унося с

с собой с прежнего факультета только хорошее знание химии, курс которой читал сам Менделеев.

На экономическом отделении студентов было человек сорок, и, по свидетельству Богораза, по крайней мере половина из них была социалистами. Уже ко второму курсу он успел прочно «увязнуть в политике».

В 1881 году Богораз был принят в народовольческую организацию.

8 февраля 1881 года на торжественном акте в годовщину университета разыгралась трагедия, которой суждено было окончиться на дворе Якутского замка через 8 лет. Когда ректор Бекетов кончил официальную речь, с хоров, где собрались студенты, раздалось, громкое: «Мы вам не верим!» — и полилась страстная речь против самодержавия. Говорил студент Коган-Бернштейн. В партер обрушился целый дождь листовок. Потрясенный министр просвещения Сабуров не мог подняться с места. К нему подошел студент Паппий Подбельский и дал пощечину. В начавшейся свалке студентам удалось отстоять Когана-Бернштейна и Подбельского и дать им возможность скрыться. Они были арестованы только через несколько дней. Этот день был днем боевого крещения Богораза.

А через год, в 1882 году, он был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и поставлен под гласный надзор полиции. Из Петербурга он уехал в Ростов-на-Дону, а оттуда в декабре 1882 года был выслан в Таганрог.

В Таганроге на металлургическом заводе Богораз организовал подпольный кружок. Один из товарищей был по доносу арестован, при обыске у него обнаружили гисьмо Богораза. К Богоразу нагрянули с обыском, нашли черновик воззвания к рабочим с призывом устраивать кассы взаимопомощи, начать забастовку. Было найдено множество гектографированных народовольческих изданий. Богораза арестовали и отправили в Таганрогский тюремный замок.

«В Таганрогском остроге я просидел 11 месяцев,— писал он в автобиографии.—Именно там для меня началось одновременно общение с народом, человеческое дно и Кузькина родительница. Там же, очевидно, родился мой вкус к этнографии — в человеческой гуще и чем гуще, тем приятнее. Ибо Таганрогский острог был ме-

сто злачное, и злаки там произрастали воистину странные».

Вскоре после выхода из тюрьмы в целях конспирации Богораз принял православие, и из Натана Менделевича стал Владимиром Германовичем. Жил нелегально, работал в подпольных типографиях в Новочеркасске, Таганроге, Туле и Москве.

Этот этап революционной деятельности кончился вторым арестом 6 декабря 1886 года. Тогда Богораз получил второй урок этнографии. Учителем был Владимир Галактионович Короленко — тот, кто «в сибирском факультете общественных наук основал особое литературное отделение», тот, кто подошел к «полярному аду как наблюдатель, как исследователь». Учебником же был короленковский рассказ «Сон Макара», от которого вела начало не только беллетристика, но и этнография, созданная ссыльными.

«Было это зимой 1886 года,— пишет Богораз,— в московской охранке, куда привели, а вернее, притащили меня с улицы шпионы, предварительно избив, так как пробовал брыкаться. Раздели, обыскали, пихнули в «клин», заперли... Нервы были напряжены до крайности. Я стал колотить в дверь и требовать: «Дайте мне книгу!» Мне сунули старую книжку «Русской мысли». Я развернул и сразу напал на рассказ Короленко.

Я стал читать его с самозабвением, с жадностью, как умирающий от жары припадает к живому роднику. Рассказ этот был мне знаком, но раньше я над ним не останавливался. Я был «нелегальным» присяжным революционером. Нелегальному некогда читать и нельзя останавливаться. Он мчится вперед, как будто одержимый, пока не ударится о стену или не повалится в яму.

Теперь этот рассказ Короленко выступил передо мной совсем по-иному, ярко и выпукло, как будто из волшебного зеркала.— Значит, и там можно жить,— почувствовал я,— страшно, но все-таки можно...»

Сколько километров вышагивалось по одиночке сперва в Московской тюрьме, потом в петербургской Петропавловке — трудно было определить. И в этом многоверстном походе сами складывались строки:

Я знаю, были заблужденья,
Ошибки, грезы, юный пыл.
Вело нас часто возбужденье,
Когда расчет полезней был.

Но в этом нет для нас упрека,
Достался нам тяжелый труд
В глухом лесу, во тьме глубокой,
И кто б не заблуждался тут.

И если б мне на долю пало
Невозвратимое вернуть
И десять раз пройти сначала
Все тот же трудный, страшный путь,
Я б шел своей дорогой прежней,
Не уклоняясь никуда,
И с той же силой неизбежной
Пришел бы десять раз сюда.

Просидел Богораз в крепости три года и в 1889 году отправлен на десять лет в Колымск. «Десять лет — это задаток. А за дальнейшее я вам ручаюсь!» — напутствовал его жандармский полковник.

Почти год добирался он до места ссылки: в арестантских баржах по Оке и Каме, потом пешком по этапу до Иркутска, от Иркутска до Якутска в страшных условиях сибирской зимы полураздетым на тройках с жандармами.

Прибыв в Якутск, Богораз узнал, что его предшественники отказались отправляться в Колымск. Многие ссылки ехали с женами и детьми, и путь на Колыму сулил им верную гибель.

Восточносибирский генерал-губернатор граф Игнатьев по прямой инструкции из Петербурга решил «прижать» политических ссыльных. «Прижать» в тогдашних условиях Дальнего Севера означало обречь на гибель. Огромное расстояние от Якутска до Средне-Колымска в 2400 верст надо было ехать по безлюдной лесотундре, делая по 50 верст каждые сутки. Ссылные в сопровождении двух казаков должны были проделать это расстояние за сорок пять суток, причем продовольствия разрешалось брать столько, сколько едущий сочтет нужным, так как рассчитывать достать продукты в пути нельзя было. Но добирались до Колымы не в 45 суток, а в суток 60—70 — мешали снежные бури, продуктов едва-едва хватало на дорогу.

Так было раньше. Теперь из Иркутска пришло распоряжение, чтобы ссылки брали с собой в дорогу строго определенное количество продуктов. А установленного количества могло хватить только до Верхоянска, поэтому отправиться через полярную пустыню с женщинами и детьми было равносильно самоубийству.

Коган-Бернштейн, Гаусман, Зотов и еще несколько ссыльных отказались ехать при таких условиях. Они забаррикадировались в своем доме, а начальство, обрадованное возможностью расправиться с крамольниками, приказало солдатам взять дом штурмом. Шесть убитых и несколько раненых ссыльных — таковы были результаты штурма. Трое были приговорены к повешению, остальные — к каторжным работам за... «вооруженное восстание с заранее обдуманном намерением».

3

Тундра, тайга, озера, озера, тайга, тундра. Только дважды пейзаж изменялся, и изменялся поразительно. Вдруг въехали в широкую горную долину, на ее совершенно ровной площади фантастическими гигантами вставали мощные гранитные столбы удивительно правильной формы, чем-то напоминавшие огромные кристаллы, и все это в нежном обрамлении березовой рощи, такой странной в полярном царстве.

Вторично поразили дикой красотой предгорья и вершины Алазейского хребта. Его суровые отроги были все-таки отрадней мрачной унылости бесконечного мелко-лесья.

Средне-Колымск открылся сразу. Из-за деревьев вдруг показалось несколько юрт и большой одноэтажный дом на площади; потом разглядели реку, а за ней сгрудившиеся избы с плоскими крышами.

Так кончился этот путь, страшный путь, от которого, по словам Богоразы, люди топились и сходили с ума. Ехал он вдвоем с товарищем и двумя казаками, сперва на санях, запряженных лошадьми, потом на оленях и, наконец, верхом на маленьких якутских лошадаках. И голод и холод, от которого дыхание замерзало в груди, — все это было позади.

Начиналась новая жизнь.

Она началась с шумных приветствий ссыльных «старожилов», то есть прибывших в прежних партиях. Они окружили новых товарищей, жали им руки, забрасывали вопросами.

Сердце у Богоразы сжалось, когда он всмотрелся в эти бледные изможденные лица с лихорадочно блестящими глазами.

Ссылные располагались в доме купца Павлова, в большом доме, который бросился в глаза при въезде. На обширном дворе дома Богораз и его товарищ увидели странную картину: несколько ссыльных топорами и молотками кололи какие-то серо-белые смерзшиеся комья. Богоразу объяснили — колют муку. Время было зимнее, особенно голодное, последние запасы муки были на исходе.

Ссылные на Колыме только начинали налаживать свою жизнь. Первые приехали летом и ранней осенью, не успели завестись рыбой, а рыба была здесь основным питанием. Правда, в тот год и осенний лов был плохим — колымчане сами ели гнилую рыбу и собачий корм. Зимой на разные товары можно было выменять у чукчей битых оленей, но в то лето по всему краю смертным поветрием прошла черная оспа, многие селения вымерли целиком, из многих бежало все население, чукчи боялись приковычивать со свонми стадами к русским поселкам, и голод влостно застучал в двери Средне-Колымска.

Делать нечего, заняли у колымских купцов в долг товаров и отправились искать чукотские стойбища. В числе ищущих поехал и Богораз. Это было его первое знакомство с Колымским краем.

На остатках муки, выменном оленьем мясе, якутском масле, замороженном вместе с пахтаньем*, кое-как протянули до весны.

По утрам староста ссыльных раздавал каждому по куску масла и по ломтику ржаного хлеба. Обеденный котел заправляли оленьим мясом, мяса было немного, похлебка выходила жидковатой... Чтобы расплатиться с долгами, староста урезал порции, но это мало помогало — желудки требовали свое, и приходилось снова влезать в долги.

Весной пришел еще более страшный голод, традиционный весенний колымский голод.

В марте солнце уже светило вовсю, ослепительно белая полярная весна вступила в свои права. А майское солнце топило снег на реках и озерах, в тундре таяло, на собаках не проедешь, и они, отпущенные на волю, шатались на ходу от голода и подвывали хрипло, чуть

* Пахтанье — творожистая сыворотка, остающаяся по отделении от сливок и сметаны масла (*Даль*).

слышно. Подыхало их весной множество от паралича задних ног и опухания головы.

Все запасы у колымчан подобраны, едят кожаную обувь, ремни, налимью кожу, которой летом затягивают окна в домах. Все ждут вскрытия Колымы.

«Острее всего последняя неделя перед вскрытием реки. Ночи нет. «Вчера» и «завтра» слилось в одно сплошное «сегодня». Дни путаются и как-то выпадают из недели. В одной неделе не было четверга, в другой — воскресенья. Никто не спит — ни солнце, ни люди, ни собаки, ни птицы в кустах. Собаки и люди бродят у реки и стерегут воду, как голодные чайки. Ибо в воде «ожива», первая рыба, которая оживит отощавшего жителя. Вдоль закраины льда уже появилась «забрега», узкая полоска талой воды. С каждым днем она все шире, но матерый лед прирос к берегу, никак не может отстать, выпятится коробом и всплывет наверх. Как только лед пройдет, рыба хлынет валом, и начнется летний праздник».

Так прошел первый год. Второй год был уже легче. Ссылные обзавелись собственным неводом и сетями, сделали запас рыбы на зиму. Перезнакомились они с местными русскими, сошлись с чукчами, якутами.

Дружная община полсотни ссыльных жила северными Робинзонами. Принцип в хозяйственной жизни был один: «Не половишь — не поешь». Рыбой питались сами, рыбой кормили собак — основное транспортное животное, — которых было у них около двухсот штук.

Северные Робинзоны, старостой которых вскоре стал Богораз, задавали тон в этом отдаленнейшем крае Российской империи, куда почти не дотягивалась рука вездесущего жандармского управления. Ссылные называли свою общину «Колымской республикой». На 50 ссыльных в Средне-Колымске было всего 15 казаков во главе с исправником, боявшихся ссыльных, как огня. Однажды в годовщину царской коронации колымские власти устроили иллюминацию, а ссыльные погасили начальническую иллюминацию и устроили свою во славу будущей Российской республики. Власть забаррикадировались в исправничьем доме и не показывали носа до утра, боясь нарушить торжество крамольников.

«Впрочем, с населением мы ладим отлично, — писал Богораз, — особенно с девицами. И даже с исправником ссорились редко. По праздникам с ним же разыгрывали

винт, «с прикупой», «с присыпкой», «с гвоздем», «с эфипом», «с треугольником», «классический», простой. А в тяжелые зимние ночи читали напролет увесистые книги на разных языках,— даже исправника Карзина до того навинтили, что он у нас целую зиму старался одолеть «Капитал»,— да, да, настоящего Маркса, том 1 «Капитала». Но не вышло у него никакого капиталу. Он запил жестоко и казенные вещи продал наехавшим купцам».

С самого начала ссыльные выговорили себе право свободно разъезжать по тысячеверстному колымскому округу. Центр округа — Средне-Колымск, расположенный у впадения речки Анкудинки в Колыму, состоявший из 82 домов с плоскими крышами и населенный пятьюстами людей и примерно таким же количеством собак,— был ставкой ссыльных. На 500 верст вверх по Колыме, на берегу ее притока Ясашной, точнее, на полосе сухой земли, зажатой между рекой и болотом, стоял Верхне-Колымск — ни город, ни деревня, а просто церковь и при ней три дома. На 500 верст вниз по реке находился Нижне-Колымск — куча жалких избушек, над которыми возвышались две деревянные церкви. Вот все. А между городками по берегам реки несколько деревушек да нечестные рыболовные займки. И все это соединяла река, широкая, полноводная, с большими плесами.

250 лет назад казаки-землепроходцы пришли сюда подвести Колымский край под высокую руку русского царя. Потомки завоевателей обжили холодные берега Колымы, сжились с туземцами, перемешались с ними. На вид их трудно было отличить от якутов и юкагиров. В некоторых селениях на нижней Колыме еще можно было встретить русоволосого, светлоглазого колымчанина, а вообще широкие скулы, узкие глаза, редкая растительность на подбородке у мужчин ясно показывали, что предков нынешних колымчан надо искать прежде всего в здешней тайге и тундре. Сами колымчане не сомневались, что настоящий русский с Колымы так и должен выглядеть. «Ишь рыбы глаза,— насмешливо отзывались они о своем сероглазом родиче.— И волосья на подбородке, срам один, двадцать пять лет от роду, а весь зарос, ровно старик какой». Но глубоко было уважение колымчанина к своим далеким соплеменникам из Европы, к могучей родине своих предков — России. С почтением, даже с известной робостью разговаривал колымчанин с приезжим русским.

— Русь мудрена,— ответил старик казак Богоразу, когда тот спросил о причине такой робости.— Нешто мы можем топор сами сделать, або одежду тканую...— и, помолчав, добавил с тоской: — и хлеб. Деда-то какие были, что первые сюда пришли: раза в два выше нас да шире, все умели, все знали. На кораблях плыли на большущих, с каменными якорями. Реку расчищали, чтоб корабль мог пройти. А отчего они были такие? Оттого, что хлебные люди!

«Хлебный» человек, полагал колымчанин, должен быть и сильнее и умнее его. Ему колымчанин подражал и в одежде, и в песне, к нему обращался во всех сомнительных случаях жизни и свято следовал его советам.

Невелико русское население на Колыме — немногим более тысячи человек. Часть его была приписана к служилым казакам, часть к мещанам и крестьянам. Вся служба колымских казаков заключалась в доставке почты и сопровождении ссыльнопоселенцев. Тяжела была для колымчанина эта служба. Даже в Якутске колымский казак чувствовал себя чужим, тосковал по родной Колыме, и часто такая ностальгия кончалась смертью.

Правда, казак со дня рождения получал паек. На голодной Колыме это очень ценилось. Казачка Акулина Даурова пожаловалась однажды Богоразу:

— Мало прожил мой сыночек. Всего только полтора пуда и жил.

— То есть как полтора пуда? — изумился Богораз.

— Дают пуд муки в месяц, так время по пудам и считают.

Все: говор, песни, обычаи — было необыкновенно своеобразно, почти неизвестно в остальной России и, конечно, совершенно не изучено. Тут не то что этнограф, но мало-мальски любознательный, образованный человек мог принести огромную пользу науке.

Богораз постепенно вошел, как и все ссыльные, в трудные будни колымской жизни. Суровая эпопея стала повседневностью. Назрел как бы новый этап: надо было «отойти немного в сторону, выйти из местной картины и взглянуть на нее как бы извне».

«Социальное задание эпохи,— писал он спустя много лет,— для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, перво-

битных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных».

Богораз принялся за изучение русских колымчан.

Началось, естественно, с расспросов средне-колымских жителей, записей сказок, песен, былин, наконец, просто образцов говора,— так скапливался материал для словаря русско-колымского областного наречия. Для пополнения словаря он ездил на нижнюю Колыму, где колымский говор сохранился в большей неприкосновенности.

Говор колымчан принадлежал к севернорусским окающим говорам, он сохранил множество старинных слов и оборотов и, кроме заимствований из якутского и юкагирского языков, обладал еще одной характерной особенностью — сладкоязычием: «р» и «л» в нем пропадало.

У войобушки гойовушка бойейя,
Уж бойейя, уж бойейя, уж шумейя...—

пели колымские молодичи песню про воробышка.

Богораз не имел специального филологического образования, но он чутьем находил в массе фольклорного материала редчайшие и интереснейшие образцы русской былинной старины, сохранившейся на Колыме. Еще за 30—40 лет до приезда Богораза живы были люди, которые могли полностью спеть былины, по-местному старины, давно забытые в остальной России. Девушки пели их на вечерках, парни — на гулянках в весенние ярмарки, но теперь не осталось людей, которые помнили бы старины, а если помнили, то лишь в беспорядочных отрывках. Дело не только в том, что колымские «посказатели» не особенно заботились о передаче старин молодому поколению, главная беда — опустошительные набеги черной оспы, периодически посещавшей Колыму. Самой страшной из них была эпидемия 1884—1885 годов, унесшая треть населения Колымы. Естественно, что она прежде всего забирала слабых, в частности стариков, а они-то и были основными хранителями старин. После оспенных нашествий терялись не только старины, но и ремесленные навыки, русское население Колымы оказывалось на грани вырождения.

Какова была радость Богораза, когда на нижней Колыме на заимке Черноусовой он встретил семидесятилет-

него старика Михайлу Соковикова, по прозвищу Кулдарь,— последнего, кто знал старины полностью.

— Эх, да разве я знаю, что отец мой знал,— говорил он Богоразу.— И десятой доли не знаю. Однако ж смолу на ярмарках я певал, купцы подарки богатые давали.

От него Богораз записал старины про Добрыню Микитьевича, Тита Фарафонтьевича, Алешу Поповича в новых, неизвестных до тех пор вариантах.

Однажды Богораз услышал и совершенно своеобразный род песни — андыщину. Было это в деревне Походской на нижней Колыме. Пел ее казак Василий Дауров. Ее мелодия сохранила в себе что-то от протяжной русской песни, но неожиданные и очень красивые чередования высоких и низких тонов с горловыми переливами, как в тирольских песнях, были совершенно не русские.

Песня была любовная. Дауров импровизировал ее, хотя, как узнал впоследствии Богораз, существовали определенные обороты, формы этих песен, из которых исполнитель выбирал любую и разукрашивал ее по своему вкусу.

Удивило Богораза обилие напевов, старых и новых. Пелось все — от песен о Стеньке Разине и царе Петре Алексеевиче до «песен Тамары» из «Демона». Но главное, что содержание этих песен, чуждое колымчанину, некоторые слова и выражения которых и не были ему понятны, пелось им совершенно верно. Случалось, что и вся песня была ему непонятна, но это не мешало точно воспроизвести ее.

Колымские фольклорные записи были первой этнографической работой Богораза, великолепной практической школой. Первые песни он записал в 1890 году, а к 1895 году у него скопились и обширные фольклорные записи и богатейшие материалы для словаря колымско-русского областного наречия. Но изучая русских колымчан, нельзя было не коснуться их соседей, не менее интересных и столь же мало изученных.

У молодого исследователя аппетит приходил во время еды. Трудности не пугали его. Он знал, что браться за изучение чукчей, ламутов*, якутов — значило идти в их стойбища, кочевать вместе с ними, питаться летней падалью и гнилой рыбой, терпеть голод и холод. Только

* Так именовались тогда эвены.

сомнения в рентабельности этой работы, сомнения в возможности передать свои наблюдения в научные центры останавливали его. Ведь он был только ссылкой, действовавшим на свой страх и риск, без чьего-либо одобрения и поддержки. А впереди — долгие годы ссылки, Россия за много тысяч верст, за бесконечной тундрой и тайгой. «Нужно ли все это?» — возникал порой коварный вопрос.

И вдруг в 1895 году из Иркутска пришло приглашение от Дмитрия Александровича Клеменца участвовать в экспедиции по изучению Якутской области. Богоразу предлагалось взяться за исследование народов Колымского края. Занятия русскими поречанами на Колыме стали известны Клеменцу и были высоко оценены им.

4

Революционер-народник Клеменц, сосланный в 1881 году в Минусинск, посвятил себя Сибири. Его научные труды — итоги многочисленных путешествий — были известны далеко за пределами России. Его публицистические статьи в сибирских газетах, сотрудничество в Восточносибирском отделе Русского географического общества давали жизнь делу изучения Сибири. В 1892 году он переехал в Иркутск, а с 1893 года стал хлопотать об организации большой экспедиции для изучения Якутии. Экспедиция была задумана и финансирована известным золотопромышленником Сибиряковым. Но одно дело задумать экспедицию, другое дело найти для нее научные кадры, а такими кадрами Сибирь была бедна. И Клеменц, сам человек политически неблагонадежный, смело поставил перед генерал-губернатором Горемыкиным вопрос о привлечении к работе в экспедиции политических ссылкой Богоразы, Виташевского, Иохельсона, Левенталья, Майнова и Пекарского. Это было тем более смело, что ссылкой не разрешалось отправлять с места ссылки ничего, кроме писем к родным, писем, которые, конечно, тщательно проверялись. А тут участие в экспедиции и связанные с этим разъезды и публикации научных трудов. Нелепость такого вопроса, с точки зрения губернатора, была очевидна. Но велика была настойчивость Клеменца, и в конце концов Горемыкин подписал разрешение.

По расчетам Клеменца, основное внимание экспедиции должно было быть уделено якутам, и ими занялись

Виташевский, Левенталь, Пекарский, Майнов. Последний взял еще и тунгусов. Богораз и Иохельсон должны были заняться Колымой.

В феврале 1895 года Богораз с Иохельсоном выработали следующий план действий: Богораз продолжает заниматься русскими колымчанами и приступает к сбору материалов среди чукчей; с тунгусами*, юкагирами и родственными им народами работает Иохельсон. План был не окончательный и мог быть изменен сообразно обстановке.

5

В 1642 году казак Иван Ерастов «с товарищи» встретил на реке Алазее оленных чукчей. В 1644 году в Чукотской земле был поставлен Нижнеколымский острог, в 1649 году — Анадырский. За год до основания Анадырского острога казак Семен Дежнев, совершая путешествие вокруг северо-восточной оконечности Азии, познакомился с приморскими чукчами. Так началась история русско-чукотских отношений.

В дальнейшем зависимость чукчей от русской администрации была в значительной степени номинальна. Чукчи платили добровольный ясак, да и то очень нерегулярно. В 50-х годах XIX века колымский исправник решил разделить чукчей на казенные роды, поставить во главе каждого рода старшину, а во главе всех чукчей — тойона. Он рассчитывал, что такое административное деление облегчит сбор ясака. Но из этой затеи ничего не вышло. Авторитет старшин и тойона был очень невелик, чукчи не понимали, для чего они поставлены, и не признавали их власти над собой.

В жизни чукчей имели огромное значение олени. Олени кормили их и одевали, с оленями были связаны все праздники, на оленях они ездили, и олени заставляли их кочевать по бескрайней тундре от Колымы до Чукотского Носа. Недаром поговорка гласила: «Стадо — как аркан: на одном конце привязаны олени, на другом конце — хозяин». Самое название народа говорило о связи со стадом. «Чаучу» значит богатый оленями, отсюда русское «чукчи». Так именовали себя чукчи-оленьеводы в отличие от своих родичей, живших по бере-

* Так назывались тогда эвенки.

гам Ледовитого океана и Берингова моря, которые звались «рамаглат» — «прибрежные жители». Русские просто звали их приморскими чукчами. Это были рыбаки и охотники на морского зверя.

Богораз считал работу по изучению чукчей делом своей жизни. И надо добавить, что никто за 250 лет, протекших с момента первой встречи русских казаков с чукчами, не сделал столько для изучения этого народа, сколько Богораз.

Известный гидрограф, путешественник Г. А. Сарычев оставил в своем «Путешествии по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану...» описание природы и быта народов северо-восточной Азии. Замечательный мореплаватель и ученый Ф. П. Врангель в «Путешествии по северным берегам Сибири и Ледовитому морю» тоже дал сведения об этих народах. Изучением чукчей занимался миссионер А. И. Аргентов, опубликовавший описание своих путешествий в сибирских изданиях в 1850—1870 годы. В 1868—1870 годах на Чукотке работала экспедиция Г. Л. Майделя.

Но все эти работы были каплей в море по сравнению с тем, что сделал Богораз. Никто из прежних исследователей не знал чукотского языка, а потому чукотский фольклор, предания и обычаи чукотского народа изучались недостаточно глубоко. Исследователи мало жили среди чукчей, мало наблюдали их жизнь изо дня в день, не имели с ними постоянного живого общения. А такое общение было необходимым условием настоящего их изучения.

6

Средства экспедиции были не обширны и сборы были не долги. Уже 10 февраля Богораз отправился на собаках из Средне-Колымска к устью реки Омолон и вскоре благополучно прибыл в стойбище старшины Эттигина. Около двух месяцев прокочевал Богораз с Эттигином, побывал на всех близлежащих стойбищах, а после весеннего праздника рогов отправился со стойбищем чукотского старшины в тундру; а в начале апреля вместе с тем же Эттигином поехал на Анюю.

Сердитая вода, табак, чай — четыре магических слова, которые каждую весну заставляли оживать мерт-

вую анойскую пустыню. В остальное время единственным ее украшением была старая безлюдная крепость с полуразвалившимся частоколом. Но весной все вокруг крепости покрывалось высокими кожаными ярангами, пустыня оглашалась скрипом нартовых полозьев, хриплыми криками каюров и протяжным собачьим воем.

Анойская ярмарка. Здесь чукчи и эвены могли запастись папушками (пачками) табаку, кирпичным чаем и другими необходимыми в хозяйстве товарами. Для этого сюда везли меха, сгоняли стада оленей, для этого сюда наезжали колымские купцы и просто мелкие жулики, за скверную водку, за дешевый табак и чай скупавшие пушистое сокровище Севера.

На ярмарку Богораз приехал первым из русских. Только на следующий день прибыли колымские кладовщики на собаках с купеческим добром. Въехали в крепость, распрягли нарты, привязали собак к изгороди и принялись чистить и топить крепостные домишки — готовить их к приезду начальства и купцов. Купцы должны были приехать все сразу — таков был обычай. Не дай бог приехать кому-нибудь раньше, — не обойтись ему без крупных неприятностей, но колымская мелкота начала уже приторговывать.

Богораз ходил по ярмарочному становищу, заходил в дома, в яранги. Этот бородатый таньга* не привлекал внимание чукчей, их интересовала торговля, а это был пишущий человек. Тем спокойней мог Богораз вести наблюдения. Чукчи съехались отовсюду: и с близких стойбищ — с рек Россомашьей и Медвежьей, и с далекого Омолона, и даже с самого Чукотского Носа.

Вот в низенькой хибарке сидят несколько чукчей, крошат длинными боевыми ножами табачные листья, смешивают с мелкими стружками, с золой и отправляют в рот, жуют не торопясь, сплевывают черную слюну на пол, на стену. Хозяин избушки — русский торговец, маленький, светлый человек. Идет торг. Хозяин поит гостей чаем, угощает сухарным крошевом и коричневыми, обвалянными в грязи леденцами. Русский осторожно намекает, что рассчитывает получить пыжики — шкурки шестимесячных оленьих телят. Чукчи мнутя.

* Так чукчи называли иноземцев.

Наконец, один из них достает связку выпоротков*. Выпоротки серые, они не так ценятся, как черные. Торговец морщится, а услышав, что чукча требует табак, дает ему маленькую пачку. Чукча недоволен.

— И это все? — неуверенно спрашивает он.

— За выпоротки все, — отвечает торговец, — другое дело лисица.

— А это возьмешь?

Седая морщинистая чукчанка достает откуда-то из тайников своей одежды три смерзшихся оленьих языка, немного оттаявшие сверху, и протягивает торговцу.

— Мне не мясо нужно, а шкуры, — пренебрежительно бросает он и отталкивает протянутую руку.

Чукчи стали понемногу расходиться, поднялся и Богораз.

На улице всюю шла торговля оленьим мясом. В ворота крепостицы то и дело въезжали нарты с уби-

тыми оленями, оставляя за собой темный след крови. На ярмарке около тысячи собак, всех их надо было кормить. Истощенный вой сотен глоток оглашал крепостицу и разносился далеко по тундре, заставляя дрожать и всхрапывать чукотских оленей.

Около крепостицы протянулись ряды синих палаток русских с Индигирки. Пригнала русских сюда весенняя голодовка; они обнищали до последнего и бродили по ярмарке, выпрашивая для своих собак оленину. Их собаки, еле дотащившие нарты, уже не выли, а лежали молча, тоскливо взирая на проходящих. Попадались то там, то здесь пьяные — первые результаты успешного торгова. Поджарые ламуты в нарядных меховых кафтанах, украшенных бисером и крашеной шерстью, продавали белые кожаные перчатки и сушеное мясо — горчи и спрашивали за свои товары сахар.

Но все же настоящей торговли еще не было. Все ждали завтрашнего дня — дня официального открытия ярмарки.

Начальство и купцы приехали ночью, а с раннего утра у закрытых ворот крепости уже собрались чукчи. У самых ворот чукотские женщины совершали жертвоприношение духам русской крепости: смазывали топленным салом пазы между досками, обливали кровяной похлебкой косяки, кусочки мяса зарывали у основания ворот и разбрасывали по земле. Мясо тут же подхватывали стаи голодных собак, успевших еще ночью сорваться с привязи. Собак не отгоняли, они считались посланцами духов. Каждая чукчанка еле слышно бормотала про себя заклинания: «Духи, даруйте чукчам выгодную торговлю, смягчите сердце русских купцов, чтобы давали за два выпоротка кирпич чаю, за два выпоротка пачку табаку».

Наконец, с необыкновенным шумом и гиканьем к крепости подъехали нарты, которые тащили молодые чукчи. На нартах сидел кривой на один глаз старик в длинном до пят коричневом кафтане, украшенном серебряными галунами и шестью огромными медалями. На голове у него красовалась бескозырка с красным околышем и квадратным верхом, напоминавшая польскую конфедератку. Перед собой он держал длинную неуклюжую саблю. Это был наследственный тойон оленьих чукчей Эйгели.

* Шкурки, снятые с только что родившихся оленят.

В толпе шушукались:

— Ни у кого нет такого красивого кафтана, даже у исправника нет! Солнечный владыка* знает кому давать красивые кафтаны!

Нарты проехали в ворота, за нартами, запыхавшись, бежали чукотские старшины, одетые кто как. Особенно примечателен был Этигин в черном измызганном фраке, с лацканами, связанными веревкой.

На пороге одного из домов чукотских старшин встретил щуплый чиновник в полицейском мундире — это был помощник колымского исправника и главный начальник анойской ярмарки, известный в народе не по фамилии, а по прозвищу Фунтик.

Когда часа через полтора тойона и старшин развели по ярангам вдребезги пьяных, ярмарку сочли открытой. Весь двор крепостицы был уставлен нартами, на которых восседали чукчанки, между нартами металась покупательница, русские и якуты, с объемистыми мешками, наполненными заветными для чукчей товарами — от табака до чайника. Несколько лавочек бойко торговали скобяным товаром, платками, косынками, поясками. Приказчики не успевали выносить в кладовые мешки с пушниной, замшей, связки тяжелых мамонтовых бивней. Но львиная доля чукотских богатств доставалась крупным купцам, торговавшим у себя в домах. Здесь шла речь не о том, чтобы набить кладовую, а о том, как бы в амбаре хватило места.

Богораз бродил по ярмарке, тщетно стараясь выпросить у чукчей количество привезенного ими товара. Даже знакомые чукчи, как только он обращался к ним с подобными вопросами, хмурились и окидывали его недоброжелательными взглядами. Богораз решил заняться опросом на следующий день, когда ярмарка подойдет к концу. Переписать чукчей Богоразу все-таки не удалось, особенно трудно было выяснить количество привезенного товара. Жались и купцы. Удалось переписать только русских победнее и эвенов.

Богораз договорился с тойоном, что тот возьмет его к себе в стойбище.

Стойбище тойона Эйгели и его сыновей находилось на реке Моллонде. Тойон недаром слыл богачом: не ме-

нее двадцати тысяч оленей насчитывали его стада, да немало оленей было и у его сыновей. Сперва Богораз жил на стойбище самого Эйгели и прокочевал с ним километров 700, потом бродил со стадами его третьего сына Саввы, «переходя пешком с сопки на сопку вместе с пастухами».

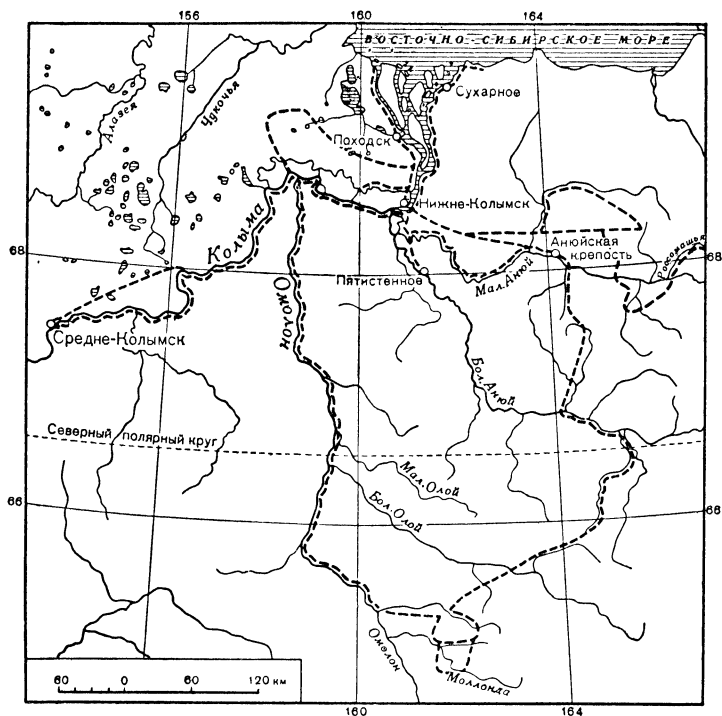
Здесь, в верховьях Моллонды, Богораз столкнулся с эвенскими кочевьями. Был конец июня, надо было подумывать об обратном пути. Эйгели не был настолько любезен, чтобы доставить Богоразу обратно в Средне-Колымск; кроме того, отношения с ним становились несколько натянутыми: жадный старик явно присматривался к некоторым вещам Богоразы. И сношения с эвенками, которые завел Богораз, не нравились тойону, так как чукчи враждовали с эвенками. Богораз решил уйти от Эйгели. С эвенскими кочевьями он рассчитывал к концу лета достичь верховьев Омолона, а потом на плоту спуститься к русским селениям.

Эйгели холодно выслушал известие, что Богораз собирается уходить с эвенками, и заявил, что вещей не отдаст. Это был открытый грабеж, ни уговоры, ни угрозы не действовали. Тогда Богораз обратился за помощью к эвенкам. Те явились в стойбище Эйгели и потребовали вещи Богоразы. Старик струсил и отдал вещи. Так кончилось знакомство Богоразы с чукотским «королем».

С эвенками Богораз кочевал по верховьям Уягана, Моллонды и Большого Олая. Охотники и оленеводы, эвены бродили летом по безлесным верховьям колымских притоков, делая иногда по несколько сот километров, а к сентябрю уходили в глубь тайги бить таежного зверя. Вместе с ними по горным перевалам по безыменным таежным речушкам путешествовал на оленях Богораз, стараясь пройти к Омолону. Пройти ему удалось не сразу: горела тайга, в верховьях Омолона тлела земля, удушливый дым тяжелым туманом стлался на многие версты, заполняя долину реки. Пробриться через эту стену было невозможно. Несколько месяцев поисков и ожиданий Богораз использовал для знакомства с немногочисленным народом эвенов.

Эвены, сухие, небольшого роста, истребители диких оленей, лосей, баранов, славились по всему краю как неутомимые охотники. Зимой верхом на оленях, весной по отвердевшему насту на лыжах, обшитых камусом —

* Русский царь.

кожей с звериных лап,— они бродили в поисках добычи по им одним известной таежной глухомани. За ними следовали их палатки. Уходя на охоту, эвен называл жене место, куда она должна была откочевать со всем имуществом, и эвенка перебиралась туда, пока муж охотился в тайге.

Лишь таежный хозяин — медведь — был для него почти заповедным зверем. Только когда голод совсем душил семью, когда впереди не было никакой надежды найти средства к существованию, эвен отваживался пойти на медведя. Суеверный страх перед медведем был так велик, что в обычное время охотник побоялся бы даже взглянуть на медвежий след. Ритуальным пением и сложными обрядами предварялась охота на медведя. После удачной охоты эвен должен был поздороваться с убитым медведем и поблагодарить за то, что

тот не отказался прийти. Ни в коем случае нельзя было делать запасы медвежьего мяса. Если одна семья не могла съесть всего медведя сразу, приглашались соседи. Женщинам разрешалось бросать медвежье мясо собакам. После пиршества эвены собирали кости, связывали их в полный скелет медведя и клали на специально сооруженный помост. Обряды эти были связаны с древнейшим тотемизмом, когда первобытные люди верили в кровную близость между родом и определенным животным — тотемом. К этому животному относились не как к богу, а как к отцу или старшему брату, как к родственнику-покровителю.

Голод был частым гостем эвенов, они довольно легко переносили его в течение нескольких дней и только при крайней нужде забивали оленей. В таком случае первыми слезали со своих оленей подростки, потом женщины, потом старики, только глава семьи ни при каких обстоятельствах не забивал своего оленя, так же как свято берег оленя-манщика, которым во время охоты приманивал диких оленей.

— Ружье, порох, седловой олень да манщик — это у нас главное, — говорили Богоразу эвены. — Без седлового на чем поеду? Без манщика чем подзову? Без пороха чем заряджу? Без ружья чем выстрелю?

А часто приходилось Богоразу видеть в тайге печальное шествие: впереди на смирном оленье эвен-хозяин, за ним понуро бредут пешком женщины, старики, дети, иногда шествие замыкали один, редко пара вьючных оленей, нагруженных аккуратными сумами с немудреным скарбом. Голод!

Словарь в 1800 слов, очерк грамматики и множество записей эвенского фольклора — таковы были итоги путешествия с эвенками. Не много, но по сравнению с тем, что было раньше известно о языке и фольклоре эвенов, очень значительно.

Этим закончилось первое из пяти путешествий Богоразы по Колымскому краю.

Впечатлений масса: их нельзя уложить в рамки фольклорных записей. Необычайные образы, неповторимые ситуации, новый мир открылся перед Богоразом. Он залпом пишет два рассказа. Но как послать и кому послать? Послать можно только с оказией; такая оказия нашлась: один из товарищей, возвращавшийся

из ссылки, согласился взять рассказы. Но кому послать? Конечно, Короленко! Автор «Сна Макара» не мог не понять Богораза. Сказано — сделано.

Так родился писатель Н. А. Тан, или просто Тан. В литературном псевдониме, которым были подписаны рассказы, Богораз воскресил свое прежнее имя — Натан — Н. А. Тан.

Почта не часто приходила в Средне-Колымск — три раза в год. Прошло три почты — из России ни слуху ни духу. Богораз перестал ждать. Пришла четвертая почта, товарищи быстро расхватили пачку журналов. Один ухватил «Русское богатство». Разворачивает, читает: «Кривоногий» — рассказ Н. А. Тана. Общий вопль восторга, виновника торжества подхватывают на руки, качают. Кто-то приносит из сеней ковш ледяной воды и выливает на голову Богораза.

— Крестится раб божий, писатель Тан! Ура!

— Черти, не вздумайте в прорубь тащить, а то за крестинами сразу и поминки,— смеется Богораз.

Быстро собрали ужин. На столе спирт, строганая мерзлая рыба, мерзлое белое масло, мерзлая брусника, про которую говорили, что ею можно стрелять, как дробью,— до того крупна и тверда. Пили за Тана, за Богораза, за крестного отца Короленко.

Так отметили рождение писателя Тана.

7

«Еще в самом начале работы,— писал Богораз в отчете об изучении чукчей Колымского края,— я считал, что без знания языка немислимы никакие сколько-нибудь серьезные этнографические исследования. В дальнейшем время условия русско-чукотских отношений показали мне, что знание языка составляет единственный ключ для общения с чукчами, и заставили большую половину времени уделить изучению его лексикологии и грамматики».

Да, язык — это было главное. Анюй подтвердил это. Конечно, хорошее знание языка позволило бы Богоразу подойти к чукчам так, что они поняли бы его стремление знать их возможно лучше. Русские объяснялись с чукчами обычно на особом русско-чукотском жаргоне. Переводчики чукчи, к которым прежде обращался Бого-

раз, научили его именно этому жаргону, очень упрощавшему чукотское произношение и строй их языка. Все это не только затрудняло понимание обычной речи, но делало невозможным запись чукотских сказок и песен. По-чукотски бегло говорили эвенки и эвены, знавшие, как правило, русский язык лучше чукчей. Их языками Богораз занимался по грамматике, составленной финским ученым Кастреном. С помощью эвенков и эвенов Богораз проверял переводы с чукотского языка русских переводчиков, и это тоже подвинуло его в изучении чукотского языка. И все-таки этого было недостаточно, до совершенного знания языка было еще очень далеко. Помог случай.

Однажды в январе 1896 года на одном чукотском стойбище Богораз встретил чукчу, старика Николая Айн'анвата, который с большим интересом отнесся к занятиям Богораза и всячески помогал ему освоить настоящий чукотский язык; кроме того, он был великолепным истолкователем чукотских обычаев и законов.

Сперва они с Богоразом объяснялись на жаргоне, но под его диктовку Богораз записывал сказки и Айн'анват терпеливо отвечал ученому на все вопросы по чукотской грамматике — конечно, насколько мог понять, что от него хочет Богораз. Частенько он и сам просил записать то или иное неизвестное тому чукотское слово и поправлял ошибки в устной речи. Богораз, бывало, запишет сказку, составит приблизительный перевод, а потом разбирает каждое слово с грамматической точки зрения, уясняя себе соотношения слов и уточняя перевод. С помощью Айн'анвата Богораз овладел чукотским языком в совершенстве. Старик привязался к ученому и стал его постоянным спутником в разъездах по Колыме.

Из пяти путешествий по Колымскому краю четыре Богораз посвятил чукчам, и только одно — третье по счету — русским колымчанам.

За два с половиной года он проделал в общей сложности 12 тысяч верст. От стойбища к стойбищу, по побережью океана, по бесконечной тундре, по бесчисленным рекам и речушкам кочевал Богораз с верным Айн'анватом и двумя русскими колымчанами. Бывали переезды по сотне и более верст, а бывало, как на реке Россомашей, стойбище от стойбища располагалось самое большее на десять верст одно от другого. Опытный

глаз сразу замечал где-нибудь между сопок низкое белое облачко — туман от многочисленного оленьего стада: значит, там люди, значит, ехать надо туда.

Чукчи знали Богораза и привыкли к нему. И для его пары собачьих упряжек всегда находилось оленье мясо. Сам же Богораз и его спутники питались черными сухарями да сушеной рыбой, сдабривая это скудным чукотским угощением.

Чукчи звали Богораза Вэип — пишущий человек, по внешнему сходству с каким-то известным торговцем, умершим незадолго до появления Богораза среди чукчей. В каждом стойбище его встречали стереотипной фразой: «Позволь нам отвести тебя к самому старому человеку на нашем стойбище. Поговори сперва с ним». И чукчи не удивлялись, когда в каком-нибудь стойбище «Вэип» расспрашивал, отчего женщины длинными ножами разрезают труп умершего, и записывал: «для того, чтобы, обнажив сердце, собственными глазами исследовать причину смерти»; в другом стойбище рассказывали любопытному таньга о том, как был сотворен мир и что было раньше его; в третьем Богораз терпеливо выслушивал ужасное грохотанье шаманского бубна и воющие заклинания чукотского целителя. Часто писать приходилось на морозе одервенелой от холода рукой. Рука отходила в теплой яранге, и записи переписывались набело оленьей кровью — чернил не было. Эти записи приводили чукчей в восторг, сами шаманы нередко пытались воспользоваться богатой осведомленностью «Вэипа». «А ну-ка погляди в свою колдовскую книгу, — просил какой-нибудь из них. — Расскажи, какое заклинание от весенней слепоты». И если где-нибудь на стойбище чукчи просили Богораза перечислить людей соседнего рода, он по записной книжке вычитывал им всех от мала до велика.

— Где ты их видишь? — недоумевали слушатели и, разглядывая буквы, спрашивали: — Разве это похоже на людей? Где нос, где глаза, где ноги?

Бывали неприятности. Вдруг в этом стойбище оказывался представитель только что перечисленного рода.

— Мы тебя не знаем и никогда не видели! — строго отчитывал чукча Богораза. — Где ты мог увидеть наши имена и имена наших детей?

Богораз действительно не видел ни его, ни его детей,

записывая сведения со слов главы рода. Следовало долгое и утомительное объяснение, не всегда удовлетворявшее чукчу, боявшегося, что от записывания имен маленьких детей им может быть вред. Впрочем, до крупных ссор дело не доходило.

Как-то на одном стойбище чукча, перечислявший Богоразу своих родственников, вдруг запнулся.

— Не знаю, как назвать, мужчиной или женщиной, — пояснил он Богоразу.

— То есть как это не знаешь? — изумился тот. — Живешь рядом и не знаешь, мужчина этот человек или женщина?

— Это ирка-ляуль! — со страхом в голосе тихо ответил чукча.

Ирка-ляуль! О них Богораз слышал: это мужчина, который по повелению духа должен был стать женщиной. Обыкновенно это было во время болезней: шаман или сам больной, умевший шаманить, вызывал духов, прося их о выздоровлении, и те обещали это иногда под усло-

всего это делали старики. Иногда отец мог требовать у детей, чтобы они его убили, особенно если он был недоволен ими. «Пусть они нанесут мне смертельный удар и пусть они всегда страдают, вспоминая об этом»,— рассуждал он. Чукчу, естественно, трудно было уговорить поднять руку на своего родича или друга, но уж коль скоро такое согласие давалось, то обратно его взять нельзя было, и убийство должно было быть совершенно в этот же день. На слова обещания слетались духи, и, если оно было нарушено или оттягивалось, духи жестоко мстили обманщику. Обыкновенно желавшего умереть душили так, как описывала чукчанка, или убивали собственным ножом—от собственного ножа боль была меньше, так же как она смягчалась от руки родича и увеличивалась от удара чужака.

Сам Айн'анват как-то сказал Богоразу:

— Добровольная смерть—хорошая смерть. Я сам так уйду из жизни. На том свете умершие добровольной смертью живут в алом пламени северного сияния и забавляются, играя моржовой головой.

8

Как ни велик был материал, собранный Богоразом о чукчах, он рассматривал его как подготовку «к дальнейшему более тщательному исследованию этого племени». Изучены были ведь только оленные чукчи, оставались еще приморские, но средств не хватало на далекие поездки по берегам океана, да и тот материал, который был собран, требовал тщательного разбора и систематизации.

В ноябре 1897 года Богораз выехал в Якутск и здесь занялся первоначальной сводкой лингвистических и этнографических материалов о чукотских племенах.

О себе Богораз справедливо говорил, что в деле изучения чукчей он был «пионером, несмотря на предыдущие работы Врангеля, Майделя, Аргентова и некоторых других». Это в равной степени можно отнести и к ламутам (эвенам) и к русским колымчанам. Еще в 1896 году во втором номере «Этнографического обозрения» появилась публикация трех былин, присланных Богоразом Этнографическому отделу Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском

университете. Профессор В. Ф. Миллер, содействовавший публикации, дал высокую оценку трудам Богораз. В 1900 году в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» были опубликованы еще 8 былин. А в 1901 году вышел в свет «Словарь областного колымского русского наречия», в котором освещались грамматические особенности колымского наречия и приводился богатый фольклорный материал.

«Работа В. Г. Богораз, дающая ценный филологический и литературный материал, очень интересна и полезна как для языковедов, так и для людей, изучающих русскую словесность»,— писал журнал «Этнографическое обозрение». В 1900 году в журнале «Землеведение» появилась статья Богораз «Ламуты», подводившая итоги его исследований.

Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, получив обработанные Богоразом и Иохельсоном чукотские и юкагирские материалы, передал их историко-филологическому отделению Академии наук, так как сам не имел возможности издать их. Комиссия академиков рассмотрела материалы и «нашла весьма желательным обнародование материалов по фольклору и языку столь мало еще известных юкагиров и чукоч». Однако прежде комиссия попросила Иохельсона и Богораз «представить образцы собранных ими текстов с грамматическими объяснениями».

Стараниями Академии наук Богораз получил возможность лично доложить историко-филологическому отделению свои «Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора». По ходатайству Академии министр внутренних дел разрешил ученому вернуться в Петербург и проживать там с 1 января по 1 мая 1899 года для разбора этнографических коллекций и издания собранных им материалов.

Выслушав сообщение Богораз, историко-филологическое отделение постановило издать на средства Академии наук его материалы, а также решило выдать 600 рублей для того, чтобы он имел возможность заняться «окончательной редакцией материалов, представляющих высокий научный интерес».

Но не тихую жизнь научного работника готовил себе Богораз. В Петербург он вез не только этнографические материалы о чукчах и ламутах, не только романы и рас-

сказы о малоизвестных народах Дальнего Севера, но и неугасшую жажду «дайте додаться!» Восьмилетняя ссылка отнюдь не способствовала умиротворению прежнего народовольца. Сразу же по приезде «дикая чукча», как прозвали его друзья-литераторы, начал сотрудничать в легально марксистских журналах «Начало» и «Жизнь». Там он помещал свои статьи, очерки, рассказы, стихи. В 1899 году издается сборник Тана «Чукотские рассказы». Собственно, рассказы можно поровну поделить между Таном и Богоразом — в значительной степени это просто очерки путешествий по Колыме. Короленко высоко оценил талантливые рассказы молодого писателя, но кое-кто из критиков ополчился на Тана, позволившего себе «вливать в чистую русскую литературу каких-то чукчей».

Надо отметить, что рассказы «На каменном мысу», «Кривоногий», «На мертвом стойбище» и другие, вошедшие в сборник, — одни из сильнейших в русской литературе того периода. Они повествуют о «племени людей, рожденных от беломорской жены»*, о тех, кто «с незапамятных времен так привыкли к борьбе с морем, морозом и ветром, что без нее жизнь показалась бы им лишенной содержания и смысла». Правда со всей ее поэтичностью и силой была героиней рассказов Тана. Образность и красочность языка поразительны. Такой, например, великолепной картиной открывается рассказ «На мертвом стойбище»: «Уж третий месяц грозный Дух Заразы кочет по большой тундре, собирая с оленных людей человеческие головы в ясак. Никто не видел его лицом к лицу, но говорят, что ночью, когда последняя сноха, суетившаяся у костра, влезает внутрь полога, он проезжает мимо стойбищ на своих длинноногих красношерстных оленях, ведя бесконечный обоз, нагруженный рухлядью; полозья его саней из красной меди; женщины едут вместе с ним, следя за упряжными оленями, захваченные пастухи гонят сзади бесчисленные стада с рогами быков, похожими на светлое пламя... Никто не видел его лица, но люди называют его Хозяином страны».

Жизни в этой стране посвящены вышедшие вскоре после «Чукотских рассказов» «Колымские рассказы». Герои их политические ссыльные, те, кто ушел «от на-

чалства в глубь истории, в глубь этнографии вплоть до каменного века».

Богораз впоследствии противопоставлял свои рассказы «либеральной кадетской мазне» некоторых товарищей по ссылке, старавшихся разжалобить читателя рассказами о страданиях несчастных поселенцев. «А между тем, жизнь была интересная, сочная, по-своему красивая и глубоко плодотворная. Ссылка переделала Сибирь и сама переделалась в Сибири». Эту-то переделку удивительно сочно и правдиво отразил Тан-Богораз в своих «Колымских рассказах».

Пребывание в Петербурге чуть было опять не кончилось ссылкой. В 1899 году в петербургском яхт-клубе литераторы — народники и марксисты — устроили торжественные проводы XIX века и заодно отметили столетие со дня рождения Пушкина. Литераторы-демократы не пустили на свой банкет реакционеров из суворинского «Нового времени», и по их адресу Богораз прочел послание «Разбойникам пера»:

Оставьте праздник наш. Уродливого торга
Не нужно нам даров. Возьмите их назад.
Вам чести не купить гримасою восторга,
С кадилейниц дорогих у вас струится смрад.

Результаты не замедлили сказаться. Полиция постановила выслать автора стихов из Петербурга. Впрочем, полицейского постановления Богораз не читал, он успел уехать прежде получения приказа о высылке.

А дело заключалось в следующем: в 1898 году американский этнограф, профессор Колумбийского университета Франц Боас обратился к русской Академии наук с письмом, в котором сообщал, что американцы намерены предпринять экспедицию для изучения народов тихоокеанского побережья с целью выяснить историю заселения американского материка и этнической связи народов северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Боас резонно предположил, что азиатскими народами проще заняться русским ученым, и попросил у Академии наук выделить сотрудников для готовящейся экспедиции. Переписка происходила еще до возвращения Богораз в Петербург, но он уже достаточно зарекомендовал себя в глазах академиков. Ответ Академии Боасу был краток: «У нас есть трое ссыльных ученых — Бого-

* Мифическая прародительница чукчей.

раз, Штернберг и Иохельсон. Если они вам нужны — можете ими располагать». Тогда американский ученый снесся непосредственно с ними.

Предложение Боаса пришло как раз вовремя: оно избавляло от ссылки и предоставляло прекрасную возможность заняться любимым делом. Богораз через Берлин, Париж, Лондон поехал в Нью-Йорк. Вместе с ним отправился и Иохельсон.

«В Лондоне,— пишет Богораз в автобиографии,— я заговорил впервые на своем собственном мудреном английском диалекте. Его я усвоил самоучкой на досуге, в тюрьме и в Колымске. Я заговорил, и меня, к удивлению, поняли и даже ответили, но сам я не понял ни звука в птичьем щебете и клекотании лондонского уличного говора. В Нью-Йорке пришлось не только говорить, но и писать по-английски. Сперва было скверно, а после получше».

Экспедиция была задумана широко, финансировал ее президент Американского музея естественной истории Моррис Джезуп. По его имени и экспедицию назвали «джезуповской».

Богораз подробно информировал председателя Этнографического отдела Русского географического общества о ходе подготовки экспедиции. Он сообщал, в частности, что профессор Боас устраивает собрания, где ученые — участники экспедиции обмениваются мнениями «по разным вопросам этнологии народов, живущих по обоим берегам Тихого океана» и что Богораз читал рефераты о чукотском языке, Иохельсон — о юкагирском.

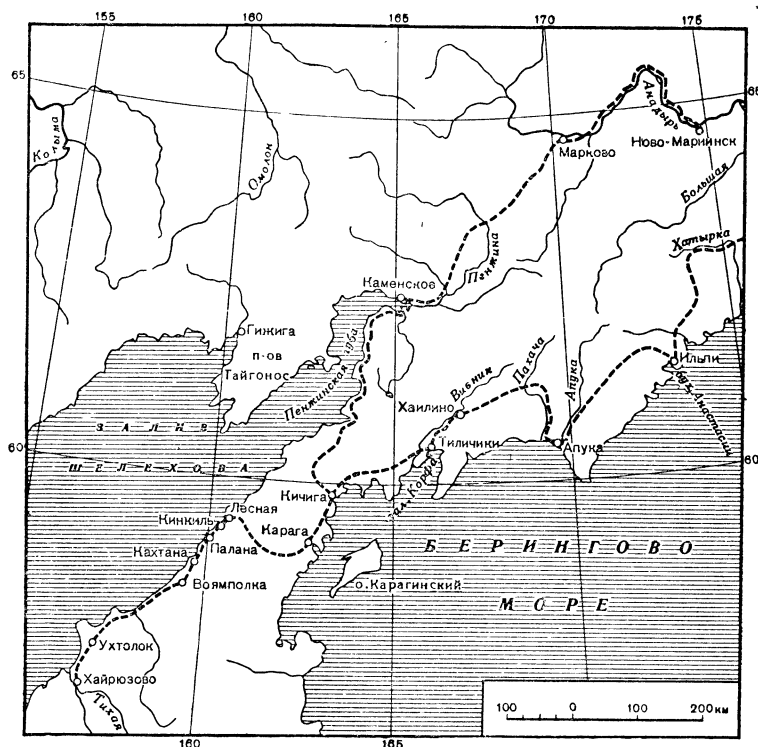
В письме от 16 апреля 1900 года сообщалось, что из Америки работники Сибирского полярного отдела Северотихоокеанской экспедиции, как официально именовалась джезуповская экспедиция, во главе с Богоразом и Иохельсоном отправятся через Гонолулу и Нагасаки во Владивосток. «Во Владивостоке экспедиция разделится на две партии. Первая, под руководством Богораза, отправится в Анадырский край и к Берингову морю. Другая, под руководством Иохельсона,— в Гижинский округ. Обе партии имеют съехаться зимой в Гижиге, откуда Богораз возвратится на Чукотский полуостров и закончит полевые работы осенью 1901 года; к этому времени имеет за ним приехать специальный пароход».

В июне 1900 года Богораз прибыл на Анадырь. За лето на карбасе он объехал стойбища оленных чукчей по берегам Анадырского залива, а в конце октября на собаках отправился из поста Ново-Мариинского в село Марково, из Маркова через Налгимский перевал переехал в область коряков и обосновался на некоторое время в селе Каменском на берегу Пенжинской губы. Здесь он занялся изучением каменского, чавчувенского и пареньского диалектов корякского языка.

Из Каменского путешественник отправился на юг по берегам Пенжинской губы, потом свернул на восток и, перевалив через Срединный хребет, выехал к восточному берегу Камчатки, к селению Кичига. Из Кичиги, по берегам Карагинского залива, он держит путь к селению Карага. Здесь его застал новый, 1901 год. Отсюда снова через Срединный хребет направился к западному берегу Камчатки, к селению Лесному, а из него по берегу залива Шелехова в «последний острожек сидячих коряков» Воямполку, куда и прибыл 13 января 1901 года.

Таким образом, значительная часть области расселения коряков по берегам Пенжинской губы и северной Камчатки была обследована Богоразом. Но к югу от коряков жили ительмены — ближайшие родичи чукчей и коряков по языку. И он выехал из Воямполки на юг. Здесь в ительменских селениях он изучает язык ительменов. Река Тихая была южным рубежом следования Богораза, отсюда из села Хайрюзово он поворачивает на север и направляется к заливу Корфа. 26 февраля он прибывает в село Тиличики, отсюда, по долине реки Вивник, едет в село Хаилино, потом по горной тропе в долину реки Пахачи и по Пахаче спускается к Олюторскому заливу. От Пахачи в Апуку путь лежит по берегам Берингова моря, а потом снова в горы на северо-восток, к бухте Анастасии. Здесь, в селениях Ильпи, Укилян и Батыйкан, Богораз знакомится с маленьким родственным корякам народом кереков. Из области кереков через верховье реки Хатырки выезжает к реке Великой и по ней спускается к Ново-Мариинскому месту. 26 марта 1901 года он является к месту, откуда выехал пять месяцев назад.

За это время было проделано шесть тысяч верст, собраны пуды этнографических коллекций, ценнейший

материал по корякскому, ительменскому, керекскому языкам и телькепскому диалекту чукотского языка.

О том, как приходилось работать, дает представление запись в путевом дневнике от 24 декабря 1900 года: «Поставил полог, зажег примус и пишу в пологе. Выдумка весьма практичная, писать можно».

Но полбеда, если бы препятствия ставила одна природа, рука об руку с природой действовало петербургское начальство. В кармане Богораза лежал «Открытый лист» за № 18602 и за подписью министра внутренних дел Сипягина. В нем предписывалось всем «местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенных на него поручений». Лист был выдан Сипягиным по ходатайству Академии

наук и Географического общества. А в то же время в кармане каждого исправника Якутской области лежало секретное предписание якутского губернатора, который, согласно конфиденциальному письму того же Сипягина, указывал своим подчиненным, что «ввиду прежней противоправительственной деятельности Богораза и Иохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным», и предписывал учредить за ними секретный надзор.

Естественно, что второе предписание оказалось сильнее первого. Путешественникам ставили препятствия на каждом шагу, отказывали в перевозке на казенных пароходах, отказывали в лошадях. Если бы Богораз и Иохельсон сами не знали края, не пользовались авторитетом среди населения, экспедиция была бы обречена на провал.

Махинация петербургского министра быстро стала известна и Богоразу и Иохельсону. В журнале революционной эмиграции «Освобождение», издававшемся в Штутгарте, в 1903 году была опубликована статья Богораза «Двуликий Янус», в которой приводились «Открытый лист» и секретное письмо якутского губернатора. Статья заканчивалась злой издевкой: «Недаром один высший сибирский администратор, когда познакомился с различными официальными бумагами об экспедиции, воскликнул: из одной лавочки, да два счета».

Недолго задерживался Богораз в Ново-Мариинском посту. В апреле он отправился на север. Сперва на собаках, потом на эскимосской байдаре он объехал приморские селения чукчей и эскимосов. В мае 1901 года из селения Чаплино он совершил поездку на остров Св. Лаврентия. Из Чаплино же Богораз на байдаре вернулся в Ново-Мариинский пост.

Второй этап путешествия посвящен приморским чукчам и эскимосам, проделана огромная работа по сравнению языков азиатских эскимосов и эскимосов Америки и Гренландии.

Отправив с Анадыря материалы экспедиции в Америку, Богораз через Японию и Маньчжурию поехал в Петербург. Но в Петербурге не забыли его старые «грехи». Последовала вторая высылка. Богораз вместо ссылки решил отправиться за границу.

Два года провел он в Нью-Йорке за обработкой материалов экспедиции. Издание материалов было рассчитано на 12 томов, несколько из них подготовил Богораз — по лингвистике, фольклору, материальной культуре, религии и социальной организации народов северо-восточной Азии.

В 1904 году вышел первый том его монографии о чукчах (седьмой том изданий Северотихоокеанской экспедиции), посвященный материальной культуре, в 1907 году — второй том о религии, в 1909 году — третий том о социальной организации и в 1910 году — четвертый том о мифологии чукчей.

В 1913 году увидел свет том, посвященный эскимосам Сибири, с текстами эскимосских сказок и песен. Корякские тексты были изданы отдельным томом в 1917 году, работы по мифологии и языку чукчей, коряков и ительменов — в 1922 году. Печатал Богораз свои исследования и в русских журналах; так, в «Живой старине» в 1909 году была опубликована его статья «Материалы для изучения языка азиатских эскимосов». Вместе со Штернбергом и Иохельсоном он был основателем Русского отдела Союза американистов, нередко участвовал в международных конгрессах американистов, читал на конгрессах свои доклады.

Основная заслуга Богораза в деле изучения языков народов северо-восточной Азии та, что он не только дал подробное описание фонетики и морфологии этих языков, но и главное — установил особенности их грамматического строя. Им было неопровержимо доказано родство чукотского, корякского и ительменского языков и тем открыт путь к сравнительному изучению этой группы палеоазиатских языков.

9

Два года провел Богораз в Америке за обработкой трудов джезуповской экспедиции. Кроме того, он внимательно знакомился с жизнью русских переселенцев-духоборов, покинувших Россию в конце XIX века из-за религиозных преследований и поселившихся в Канаде. Богораза заинтересовали в духоборах их проповедь социального равенства и отрицание частной собственности на землю. В книге «Духоборы в Канаде», изданной в 1905 году, Богораз писал: «Общинное устройство духо-

боров в Западной Канаде поучительно тем, что указывает, как могли бы устроиться русские крестьяне и вообще русские люди, если бы в их владении было достаточное количество земли и если бы притеснения властей не подкапывали в корне все основы их жизни».

В Россию возвратился он в 1904 году, в разгар русско-японской войны. «Было это как раз к первому земскому съезду,— писал он в автобиографии.— Зашумела Русь, задралась. То били старые новых, как искони велось,— теперь били новые старых. Я бегал за теми и за другими с записной книжкой. Ездил на Волгу, и в степь, и в Сибирь. Был страстным газетчиком, фельетономистом. Почувствовал себя даже всероссийским художественным репортером. Но и науки своей, чукотско-английской, отнюдь не оставлял. И так я стал человеком двуличным, двойственным. С правой стороны Богораз, а с левой, незаконной,— Тан». Богораз в шутку говорил, что есть люди, которые Тана не выносят, а к Богоразу довольно благосклонны, а есть такие, которые к Тану питают особое расположение — например, прокурор и полиция.

К концу 10-х годов Богораз становится широко известен как беллетрист. После «Чукотских» и «Колымских» рассказов он в 1902 году публикует роман «Восемь племен», а в 1909 году — роман «Жертвы дракона». Оба эти романа, а также написанную позднее повесть «На озере Лоче» сам автор назвал палеолитическими, все они посвящены жизни первобытного человечества.

Пришел октябрь 1917 года.

Октябрьская революция воспринялась как великая чистка. «Сколько налипло на душе всякой дряни за полвека, как раковин на днище корабля... Революция счистила все, соскребла до кровавого мяса, и старое судно снова поднялось и надуло паруса».

«Только революция,— писал Богораз в 1934 году,— и новое советское строительство дали другое практическое задание и открыли возможность на склоне моей жизни работать для возрождения тех отдаленных народностей, среди которых я провел лучшую часть моей молодости».

С 1918 года он работает в Музее антропологии и этнографии, в Географическом институте, потом в Ленинградском университете. Работал с огромным подъемом.

В Музее антропологии и этнографии он выступал с лекциями, устраивал выставки. Много труда уделял Богораз разработке плана большой экспедиции в северо-восточную Азию для изучения чукчей, эскимосов, коряков и ительменов. Экспедиция должна была заняться сбором этнографического материала и археологическими исследованиями. Богораз полагал, что такая комплексная экспедиция разрешит, наконец, проблему происхождения коренного населения Америки. Эта проблема этнических связей Америки и Азии занимает важное место в работе ученого. Она рассматривается в книге «Новые задачи российской этнографии в полярных областях», изданной в 1921 году, в статьях «Кастрен — исследователь палеоазиатов», «Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке» и в других.

В свое время Богораз и Йохельсон на базе собранных ими материалов разработали «теорию об азиатско-американской цепи индоидных племен, существовавших в эпоху Берингова перешейка». Позднейшие исследования блестяще подтвердили гипотезу о том, что «население Америки, или, точнее говоря, северо-западной части Северной Америки, происходило из Азии». В своих работах Богораз доказывал, что палеоазиатские народы являются остатком древних племен, расселявшихся на территории северной и центральной Азии и бывших предками всех урало-алтайских народов. К этим народам, помимо чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, он причислял подвергшихся, по его мнению, тунгусизации, тюркизации и финнизации долган, тувинцев, шорцев, ненцев, лопарей и другие народы Азии. «Все эти племена,— писал Богораз,— вымершие или живущие, сохранившие свою культуру и язык или ассимилированные соседями, следует объединить в одну общую группу, по имени не палеоазиатскую, а скорее праазиатскую.

Лопари будут представлять европейскую ветвь этой праазиатской группы и, быть может, мост от древнейшего населения северной Азии к такому же древнему населению северной и средней Европы, предшествовавшему индоевропейцам и также финнам».

В Ленинградском университете он горячо отдается организации студенческих экскурсий. В экскурсиях студенты руководствовались программой, составленной Богоразом и опубликованной в 1928 году под названием

«Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР».

Вопросы истории и развития религии также занимают важное место в работах Богораза. Много уделено им места в трудах о чукчах, им посвящены книги «Эйнштейн и религия», «Миф об умирающем и воскресающем звере», «Христианство в свете этнографии».

По инициативе Богораза в Ленинграде в 1932 году был организован Музей истории религии Академии наук СССР. Богораз был назначен директором музея и занимал этот пост до самой смерти.

Богораз явился одним из инициаторов создания Комитета содействия народностям северных окраин и Института народов Севера. Велик вклад Богораза в создание чукотской письменности: он составил алфавит, первые учебники и грамматику чукотского языка, перевел на чукотский язык ряд политических брошюр.

За годы советской власти им напечатано множество научных работ, важнейшими из которых являются статьи об азиатском наречии эскимосов. В этих статьях он доказал, что азиатское эскимосское наречие — наиболее древнее из всех эскимосских наречий и является как бы первичной формой эскимосского языка, подтверждая тем самым гипотезу об азиатском происхождении американских эскимосов. В 1934 году им был опубликован краткий очерк грамматики языка азиатских эскимосов. И в том же году вышел в свет на русский язык первый том его фундаментального труда «Чукчи» (Третий том американского издания). Советский этнограф Я. П. Алькор писал, что «эта работа создала эпоху в изучении чукотской народности и поставила Богораза в ряды крупнейших этнографов современности».

Монография о чукчах, безусловно, выдающийся вклад в этнографическую науку, но написана она с позиций буржуазного народоведения, и советские ученые-марксисты справедливо указывали на методологические ошибки Богораза. Сам Богораз писал в 1934 году в предисловии к русскому переводу «Чукчей»: «Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер всей моей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения». Действительно, в труде Богораза при богатейшем фактическом материале отсутствует анализ общественного строя чукчей, он не определяет, на какой стадии общественного развития находились чукчи.

Чукчам и эскимосам посвящен и ряд последних работ Богораза. Незадолго перед смертью он подготовил к печати «Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь» и «Материалы по языку азиатских эскимосов». В 1939 году вышел второй том «Чукчей» на русском языке.

После революции, понимая, что основным грехом его этнографических работ является отсутствие марксистского методологического подхода, Богораз в ряде статей старался пересмотреть свои теоретические взгляды. В разговорах с друзьями он часто называл себя «комсомольцем», подчеркивая тем самым свое ученичество, свое стремление прочно овладеть марксистским методом.

После 1910 года Богораз долгое время не создает новых беллетристических произведений. Только спустя восемнадцать лет он снова возвращается к художественной литературе: в 1928 году выходит в свет его роман «Союз молодых», посвященный гражданской войне в Колымском крае.

Теме возрождения юкагирского народа посвящен последний роман Богораза «Воскресшее племя», опубликованный в 1935 году.

Богораз умер 10 мая 1936 года в поезде по дороге из Ленинграда в Ростов-на-Дону.

Глубоко и разносторонне талантлив был Богораз. Он оставил о себе память и как замечательный ученый, и как выдающийся писатель и поэт. Литературное наследие его насчитывает четыре романа, множество повестей, рассказов, очерков и стихотворений. В них он показал себя тонким наблюдателем и прекрасным стилистом. Еще более значителен его вклад в науку. Неутомимый путешественник и исследователь, он по-настоящему открыл для науки народы Дальнего Северо-востока и заложил прочную основу их дальнейшего изучения. И этот подвиг Владимира Германовича Тана-Богораза никогда не будет забыт советским народом.

Борис Израилевич Карташев

ПО СТРАНЕ ОЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *Б. Н. Малкес*

Художественный редактор *М. Ф. Лохманова*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Корректор *Г. И. Ландратова*

Т-06817. Сдано в производство 19/III-59 г.
Подписано в печать 2/VI-59 г. Формат 84 × 108^{1/32}.
Печатных листов 1,5. Условн. листов 2,46. Изда-
тельских листов 2,35. Тираж 40 000 экз. Цена 70 коп.
Заказ № 304.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Типография «Красный пролетарий»

Госполитиздата

Министерства культуры СССР.

Москва, Краснопролетарская, 16

Читайте книги Географгиза о замечательных географах и путешественниках

Забродская М. И. Русские путешественники по Африке, 1955 г., 87 стр., цена 1 р. 35 к.

В брошюре рассказывается о путешествиях русских по Африке с первой половины XVIII в. до наших дней.

Русские путешественники тщательно изучили тропическую природу и внесли большой вклад в познание физической географии этого материка.

Автор приводит биографические сведения о наиболее крупных исследователях — Ковалевском, Елисееве, Юнкере, а также знакомит с основными трудами путешественников.

Брошюра написана простым языком и представляет интерес для широких кругов читателей.

Мильков Ф. Н. П. Н. Рычков. Жизнь и географические труды, 1953 г., 136 стр., цена 2 р. 50 к.

Научно-популярная книга об одном из крупнейших русских географов XVIII в. П. И. Рычкова. В ней рассказывается о жизни П. И. Рычкова, о его классической работе — «Топография Оренбургская» и других географических трудах.

Расчитана на широкий круг читателей.

Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. 1953 г., 182 стр., цена 3 р. 65 к.

В работе рассматривается вопрос о роли и значении фотосъемки в экспедициях, освещается история применения фотографии русскими путешественниками.

Книга знакомит с выдающимися русскими путешественниками и учеными — Пржевальским, Роборовским, Козловым, Обручевым, Седовым, Макаровым, Бергом и др.

В книге много фотоиллюстраций.

Петров И. И. За Гималаями (Русские путешественники в Индии), 1958 г., 207 стр., цена 4 р. 70 к.

Автор собрал и систематизировал богатый фактический материал, используя малоизвестные публикации, которые можно рассматривать как первоисточники. Живая, занимательная форма очерков знакомит читателя с вкладом русских путешественников в исследование Индии, с прекрасной природой этой страны, ее культурой, древними архитектурными памятниками, населением. В результате у читателя создается достаточно полное представление об этой замечательной стране.

Книга написана хорошим литературным языком. Богато иллюстрирована.

Расчитана на массового читателя.

Петухов Ф. Ф. А. А. Борзов, 1951 г., 164 стр., цена 3 р. 40 к.

Краткий обзор жизни и деятельности известного советского ученого А. А. Борзова, составленный на основе изучения его работ и многих документов

В первом разделе дается краткий биографический очерк; во втором — характеристика деятельности Борзова как педагога средней школы; в третьем — его работа в высшей школе; в четвертом — освещается деятельность Борзова как географа-исследователя; в пятом — его работа как библиографа и редактора журнала «Землеведение»; в шестом — показывается Борзов как общественный деятель.

Книга написана просто, доступна широкому кругу читателей.

*Серия «Замечательные географы
и путешественники»*

Популярные издания о замечательных географх-путешественниках, русских и иностранных, об их жизни и приключениях.

Антонов А. Е. Ф. П. Литке, 1955 г., 40 стр., цена 60 к.

Забелин И. Чокан Валиханов, 1956 г., 51 стр., цена 80 к.

Карпов Г. В. Д. Н. Анучин, 1954 г., 39 стр., цена 60 к.

Карпов Г. В. В. К. Арсеньев, 1955 г., 46 стр., цена 75 к.

Лебедева Н. А. и **Лебедева Н. К.** Элизе Реклю, 1956 г., 39 стр., цена 60 к.

Магидович И. П. Христофор Колумб, 1956 г., 35 стр., цена 55 к.

Трешников А. Ф. и **Пасецкий В. М.** Соломон Андрэ, 1957 г., 46 стр., цена 70 к.

Свет Я. М. Фернандо Магеллан, 1956 г., 37 стр., цена 60 к.

Эти книги можно приобрести в местных магазинах книготоргов и заказать по адресу: Москва, Е-116, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2.

Подготовка электронной версии

<http://www.anabar.ru>

22 июня 2006 года

Цет

17/14